

УДК 94(3)

КОЧЕВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

З.К. Курманов, М.Н. Суюнбаев

Рассмотрено формирование Центральной Евразии как одной из самых передовых моделей экономики, сложившейся под влиянием Великого Шелкового пути.

Ключевые слова: Центральная Евразия; кочевые империи; Великий Шелковый путь.

NOMADIC CIVILIZATION AND THE SILK ROAD

Z.K. Kurmanov, M.N. Suyunbaev

It is considered formation of the Central Eurasia as one of the most advanced models of the economy, which developed under the influence of the Great Silk Road.

Key words: Central Eurasia; nomadic empire; the Great Silk Road.

Когда караван разворачивается,
последний верблюд оказывается первым.

Восточная поговорка

Из-за резко континентального засушливого климата Центральной Евразии (ЦЕА) в сочетании с низкой биологической продуктивностью территории, а также из-за постоянной опасности нападения врагов тюрки региона вели, главным образом, кочевой образ жизни. Они обитали в засушливых степях и полупустынях или высокогорных районах, где скотоводство является наиболее оптимальным видом хозяйственной деятельности (в Туркменистане, например, земли, пригодные для земледелия, составляют 3 %, в КР – 7 %, в Казахстане – 13 % и т. д.).

Пустыни вместе с чрезвычайно бедными ландшафтами нивально-субнивального горного пояса указывают на достаточно жесткие условия существования жизни на значительной части региона. Регион на южных и восточных рубежах закрыт горными хребтами, на севере – Сибирью, на западе – полупустынными пространствами Поволжья. В середине XIX в. в центре Евразии произошло окончательное “закрытие Ойкумены” – не осталось “ничейной” земли. А в конце XIX в. границы, навязанные Россией, Китаем и Британией, лишили кочевников возможности смены сезонных пастбищ.

Окруженные другими воинственными кочевыми племенами (монголы, жунгары), предки жите-

лей региона обрекли себя на слишком затянувшийся кочевой образ жизни. А кочевой образ жизни, как показывает опыт истории, ничего хорошего не мог сулить, ибо он ставит народ перед дилеммой: при наличии силы – непродолжительное господство над другими, при ее отсутствии – длительное прозябание под чужим владычеством или без него. Кочевничество не создает прочной основы для длительного процветания [1].

Кочевое хозяйство имеет четкий естественный предел роста – биологическую продуктивность пастбищ, то есть может без риска деградации прокормить строго определенное количество скота (а следовательно, и людей). Поэтому кочевое хозяйство – это тупиковая ветвь эволюции, ограниченная, в отличие от оседлых хозяйств, только одним первичным (доиндустриальным) сектором экономики. Валовой экономический потенциал кочевого хозяйства может быть увеличен только двумя способами. Первый – мирный, т. е. увеличение площади пастбищ. Этот способ мог быть применен до “закрытия Ойкумены”, и то не всегда – не все территории пригодны для пастбищ. Второй – военный, т. е. либо захват чужих пастбищ, либо захват чужого имущества в результате войны.

Усеченность материальной культуры нашла замещение в культуре духовной. В силу этого кочевники не были рабами вещей или всевозможных желаний. Пожары, регулярно уничтожавшие деревянную материальную культуру славян, приближали их

менталитет к менталитету кочевников. Русские – тоже кочевники, не самые быстрые, но самые “длинные”. Дойти от Киева до Аляски и Калифорнии (так называемой “Русской Америки”) – это больше, чем от Монголии до “Последнего моря”. Славяне, занимавшиеся подсечно-огневым земледелием, понимаются нами как “медленные кочевники”: три года использовали пашню – и дальше... Даже русские разборные деревянные избы – промежуточный конструкт между юртой кочевника и каменным домом европейца. Именно эти схожие обстоятельства бытия и сближали славян и тюрков, обуславливая естественный (комплиментарный) евразийский союз “леса” и “степи” (Л. Гумилев).

Вкладом кочевников в мировую цивилизацию являются выплавка металлов, штаны (одежда всадника) и стремяна, которые произвели революцию в транспорте и военном деле. Все это вместе с явлением “всадничества” (т. е. наличие большого количества лошадей или верблюдов) давало кочевникам до середины 2-го тысячелетия значительные военные преимущества. Поэтому кочевое население гор, степей, полупустынь и пустынь жило за счет “дистанционной эксплуатации” оседлых соседей и контроля над караванной торговлей.

Особенности труда кочевника позволяют мобилизовать большую часть мужского населения безболезненно для своего хозяйства. Например, полная мобилизация Крымского ханства давала в XVI в. до 150 тыс. воинов (для сравнения, Великое Княжество Литовское, чье население было больше почти в пять раз, могло выставить только 40 тыс.). Набеги были также экономической основой некоторых квазигосударственных образований (“пиратских республик”). Типичный пример – Запорожская Сечь в XV–XVII вв., основой экономики которой был грабеж турецких городов на побережье Черного моря. Степи и горы служат естественным препятствием, поэтому ответные карательные операции крайне затруднены. Дополнительным стимулом является недостаток плодородных земель, что подталкивает мужское население к грабежам. Эта же причина лежала в основе военной активности викингов. А. Тойнби называл кочевников “разбойниками суши”. В этом смысле они всего лишь “коллеги” “разбойников моря” (опять же по Тойнби) – основателей государственности стран Запада.

Расцвет кочевничества связан с периодом возникновения “кочевых империй”. Эти империи возникли по соседству со сложившимися земледельческими цивилизациями и зависели от поступающей оттуда продукции. Кроме того, вдоль маршрутов Шелкового пути, проходившего также и по землям кочевников, возникали поселения с караван-сарая-

ми. В одних случаях кочевники вымогали дань на расстоянии (скифы, хунну, тюрки и др.); в других – подчиняли земледельцев и взимали дань (Золотая Орда), в третьих – завоевывали земледельцев и переселялись на их территорию, сливаясь с местным населением (болгары, кыргызы, узбеки).

Комплекс “территориальной агрессивности”, вызываемый потребностью в пастбищах, почти неизбежно сопутствует скотоводству (Мещеряков, 1995). Однако кочевник выходил из степи и опустошал сады цивилизованного общества не потому, что он решил изменить маршрут своего привычного годового климатико-вегетационного перемещения. Это происходило под воздействием внешних сил, которым кочевник подчинялся механически. Было две такие силы, которым он слепо повиновался. Кочевника выталкивало из степи резкое изменение климата, либо его засасывал внешний вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества [2]. Вакуум этот возникал как следствие таких исторических процессов, как надлом и распад оседлого общества.

Несмотря на набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории. Сочетание огромных пространств с воинственным и одновременно “текучим” населением делало ЦЕА исключительно трудным для контроля регионом. Кочевые империи редко контролировали всю ЦЕА, однако продолжительность эффективного контроля над кочевыми империями была невелика. Исторически наиболее длительные (50–60 лет) сроки контроля над большей частью этого региона продемонстрировали Монгольская империя в XIII в. и СССР в XX в.

Ведение кочевого хозяйства к концу XIX в. достигло своего предела с точки зрения продуктивности пастбищ. Растительная масса на пастбище ограничена. Поэтому излишки надо было как-то утилизировать, т. е. съесть. И вот этот присваивающий натуральный вид хозяйства, ограниченная кормовая база не позволяли делать расширенного воспроизводства. Отсюда и сформировалась привычка утилизировать дополнительные ресурсы, она сохранилась и сакрализовалась. Оседлый, к примеру, русский или узбек излишки урожая не продал, а пускал на воспроизводство, а казах или кыргыз в своей основной массе так и не научился накапливать и инвестировать.

Насильственный переход к оседлости начался в начале 30-х гг. XX в. (коллективизация) и завершился в 50-х гг. вследствие строительства основных оросительных сооружений (водохранилищ, каналов), которые компенсировали засушливость климата.

До IX в. ведение кочевого образа жизни не предусматривало создание инфраструктуры современной материальной культуры: постоянных населенных пунктов, дорог, оросительных систем, возделывание земельных угодий и т. д. За небольшим исключением, города в кочевой зоне региона возникали или развивались как колонии российской жизни и материальной культуры. Вследствие молодости основной части городов региона большинство жителей городов – горожане в первом-втором поколении. Большинство коренного населения городов имеют рудименты традиционного менталитета.

Создание Монгольской империи с самой большой в истории территорией (около 33 млн км²) впервые включило огромную часть Шелкового пути в рамки одной-единственной державы. В результате Шелковый путь стал едва ли не “торговым автоматом”, да таким, что впервые с VIII–XII вв. значение морской торговли между Западом и Востоком снизилось. Великий Шелковый путь можно считать первым актом глобализации, так как он связывал по широте всю известную тогда Ойкумену: Евразию и Северную Африку [3, с. 35–41].

В древнем мире наиболее дорогим и прибыльным товаром являлись трудоемкие предметы роскоши, требовавшие применения высоких технологий, а также редкие специи. На глобальном уровне происходила перекачка золота с Запада (Рима, Византии) в Индию и Китай. Часть золотого потока в том или ином виде оседала в странах-посредниках – Иране, Согде [4]. По словам Плиния-старшего (23–79 гг.), Рим ежегодно терял на своих обменах с Китаем 100 млн сестерциев [5]. Но ведь после распада Римской империи в Средние века к торговле присоединились ганзейские города и Голландия. Примем ежегодную сумму потерь Европы эквивалентной 100 млн сестерцием. Активная торговля шла с небольшими перерывами со II в. до н. э. до середины XV в. Примем ее продолжительность 1500 лет. Умножим на 100 млн сестерциев. Получим 150 млрд сестерциев.

100 сестерциев = 1 ауреус, равный в разное время 1/60 и 1/72 либры.

Либра – древнеримская мера веса, равная 327,45 г.

Если взять 1 ауреус = 1/60 либры, то 1 ауреус = 327,45 г : 60 = 5,4575 г.

150 млрд сестерциев : 100 = 1,5 млрд ауреусов = 8 186 250 000 г, или 8 186,25 т золота.

Если взять 1 ауреус = 1/72 либры, то 1 ауреус = 327,45 г : 72 = 4,5479 г.

150 млрд сестерциев : 100 = 1,5 млрд ауреусов = 6 821 875 000 г, или 6 821,875 т золота.

Таким образом, Шелковый путь мог перекачать из Римской империи / Европы до 7–8 тыс. т золо-

та. За всю историю человечеством добыто около 140 тыс. т золота, т. е. Великий Шелковый путь “освоил” 5 % всей мировой добычи, а если исходить из количества золота, добытого до середины XV в., то и 10 % всей мировой добычи на тот период. Вот она – основа “восточной роскоши” и упадка Римской империи. Это золото стало мощным рычагом развития местного ремесла (производили даже шелк), ирригации, градостроительства и основой для быстрого роста городов, который начался в конце IV в. н. э., и как следствие – расцвета культуры региона.

Под влиянием Великого Шелкового пути в регионе сложилась одна из самых передовых моделей экономики того времени. Ведущую роль играл третичный сектор – транспорт, торговля, кредитование и “деловой туризм” (караван-сарай). Доходы от экономики позволяли делать инвестиции в культуру. В это время творили выдающиеся поэты, философы и т. п. Почти все в регионе, что внесено ЮНЕСКО в Фонд мирового наследия, создано именно в этот период. Богатства довольно быстро были разграблены крестовыми походами и колониальной политикой – выгодным уже для Европы товарным обменом.

На рубеже тысячелетий, в X–XI вв., наш регион, включавший тогда и северные части современных Афганистана и Ирана, был одним из самых развитых в мире. А в Европе этот период известен как “мрачное Средневековье”. Благодаря Великому Шелковому пути культурные достижения народов региона стали достоянием Европы. Достаточно назвать верховую езду с использованием стремян (революция в транспорте и военном деле). Трудями Авиценны, Аль-Фараби, Улугбека пользовались европейские ученые. “Канон врачебной науки” Авиценны был настольной книгой европейских медиков вплоть до конца XVII в. Аль-Фараби называли “Второй учитель” (первым считался Аристотель). Точность астрономических таблиц Улугбека была превзойдена только во второй половине XX в. (в 1958 г.). Редактор “Франкфуртер Альгемайне цайтунг” В.Г. Лерх назвал поэзию Бухары и Самарканда XI–XV вв. “вершиной человеческой культуры” [6]. Но потом регион вдруг стал деградировать. Что же произошло?

Попробуем воссоздать “историю болезни” региона [7, с. 237–244]. В качестве критериев здоровых симптомов мы выбрали наличие деятелей науки и культуры мирового значения. В качестве критериев болезни – их отсутствие. Это наиболее простой и доступный критерий: чем более развито общество, тем больше для его функционирования требуются деятели науки и культуры, и наоборот. В те времена наука и культура часто носили синкретический (не отделенный друг от друга) характер.

Во избежание субъективизма имена деятелей науки и культуры взяты из работы Э. Шукурова [8, с. 148–152]. Период надлома намечился в конце XV в. Если до и во время этого периода в регионе отмечено 12 имен деятелей науки и культуры мирового значения, то после него – только одно имя – Чингиз Айтматов, через полтысячелетия после надлома... За эти полтысячелетия регион не создал ни одного памятника материальной культуры. В Европе (включая Восточную вместе с Россией) все диаметрально противоположно: “до” – 13 имен, “после” – 110. В “эпоху перемен” отмечено по одному имени с каждой стороны: Коперник и Бабур.

Соотношение частот имен “до” и “после” составляет 1 : 9 (10). Это позволяет считать, что появление имен в период “болезни”, скорее, не закономерность, а результат случайных, личностных факторов. Если посмотреть по плотности имен на “душу населения”, то особых расхождений также не отмечается. Трудно сказать, каково было соотношение населения в регионе и Европе с раннего Средневековья до XX в. А в XXI в. это соотношение составляет примерно 600 млн : 60 млн = 10, что хорошо коррелируется с достижениями региона и Европы и в период “здоровья” (110 : 11), и в период “болезни” (13 : 1). То есть народы этих двух регионов одинаково талантливы, креативны.

Если посмотреть, что предшествовало периоду надлома и что последовало за ним, то мы увидим следующее. В 1400 г. началась война Тимура с османским султаном Баязидом и египетским султаном Фараджем. В 1400 г. Тимур взял Сивас в Малой Азии и Алеппо в Сирии, в 1401 г. – Дамаск, причем погибло до 90 000 жителей. Тимур разграбил все города Малой Азии. В 1402 г. в битве при Анкаре Тимур одержал важнейшую победу над османским султаном Баязидом. В результате захвачена вся Малая Азия, начался распад Османской империи, сопровождавшийся междоусобицами сыновей Баязида, которая завершилась только в 1413 г.

В середине XV в. (1453 г.) под натиском Османской империи, которая тогда находилась на подъеме, пал Константинополь. Нестабильность, вызванная походами Тимура, а также противостояние Османской империи и Европы привело к очередной приостановке товаропотока из Европы и обратно. В это же время были созданы навигационные предпосылки (в том числе математиками и астрономами региона) для некаботажного мореплавания из Европы в Китай и обратно. Накоплен опыт штурма пути вокруг Западной Африки – в Индию. Это сделало нецелесообразным возрождение Шелкового пути в тот период.

Экономико-географическая изоляция стала ключевой детерминантой того периода развития

региона – периода длительной рецессии и отставания от европейских наций. Сотни тысяч ремесленников, десятки тысяч торговцев остались без работы. А вслед за ними – тысячи ученых и деятелей культуры, обслуживавших нужды активно развивавшегося общества.

Мир кочевников перестал доминировать после того, как они стали полагаться на развитие общества за счет эксплуатируемых территорий и караванных путей, утратили навыки металлургии и когда их знания были поработены верой. Поэтому XV в., когда Великий Шелковый путь стал угасать и началась догматизация ислама, стал рубежом в истории ЦЕА, после которого геополитически она превратилась в “кладбище кочевой государственности” (Б.Ф. Поршневу) [9]. Превосходство оседлых людей над кочевниками в орудиях труда, боевом снаряжении, способах передвижения стало стремительно возрастать, начиная с XVI в., достигнув в середине XIX – начале XX в. недостижимой разницы, сохраняющейся до сих пор. Это связано с развитием индустриализации и урбанизации – ростом городов в Европе того периода и связанной с ними материальной культуры. Кочевники успешно конкурировали с оседлыми земледельцами, но оказались неспособными конкурировать с оседлыми индустриальными сообществами. Появление огнестрельного оружия положило конец их военному могуществу.

В 1580 г. можно было купить аркебузу с фитильным замком за 350 франков, а такая же аркебуза с колесцовым замком стоила не менее 1500 франков. Первый серебряный франк весом 14,188 г. был выпущен как раз в 1575 г. Вследствие порчи монет в 1586 г. выпуск франка был прекращен. Франки выпускали из серебра 833-й пробы. Аркебуза с колесцовым замком весила не менее 21 282 г, т. е. более 21 кг серебра. Чтобы вооружить такими аркебузами 1 тумен (10 тысяч воинов, а у Чингисхана было несколько десятков туменов), тюркам XVI в. потребовалось бы 210 т серебра.

Сейчас дела обстоят не лучше. Один современный боевой самолет стоит более 30 млн долл., т. е. примерно 1 т золота (в 2008 г. цены на золото поднялись выше 1,000 долл. за унцию. Тройская унция равна 31,1034768 г). Минимальное тактическое соединение в авиации – эскадрилья (18 самолетов) – вместе с запчастями будет стоить в около 20 т золота, или 1200 т серебра (золото дороже серебра примерно в 60 раз).

Прекращение подпитки от Великого Шелкового пути ослабило кочевников. Российская и Цинская империи – “дети” кризиса XVI–XVII вв. (“Смутное время”) – зажали кочевников и ЦЕА в тиски, постепенно сжимая их, усиливая давление. Это давление привело к тому, что ЦЕА перестала быть военной

угрозой для сельскохозяйственных соседей. Это не могло не иметь серьезных, далеко идущих последствий. Кочевники впервые за много веков оказались в военно-техническом и организационно-политическом отношении слабее земледельцев.

Торговая революция, осуществленная в Азии в XVII в. двумя ост-индскими компаниями, голландской и английской, привела к окончательному закату караванной торговли через ЦЕА. Качественные изменения в организации торговли, внедренные компаниями, резко уменьшили их издержки производства, и против такого организационного оружия у ЦЕА не оказалось ответа.

Литература

1. *Абдуразаков И.А.* Размышления. Ой-толгоолор / И.А. Абдуразаков. Бишкек, 2007.
2. *Тойнби А.* Рост цивилизаций. Проблема роста цивилизаций / А. Тойнби. URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/>
3. *Петров А.М.* Великий Шелковый путь: историческая справка для спорящих политиков и публицистов / А.М. Петров // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 2 (3). URL: <http://www.ca-c.org/>
4. *Шукуров Ш.М., Шукуров Р.М.* ЦЕА (опыт истории духа) / Ш.М. Шукуров, Р.М. Шукуров. М., 2001.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15–18 вв. Т. 3: Время мира / Ф. Бродель. М.: Весь мир, 2007.
6. *Лаумулин М.* ЦА в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. 1: ЦА и РК в современной политологии / М. Лаумулин. Алматы: КИСИ, 2005.
7. *Суюнбаев М.* Опыт и уроки геоистории Центральной Евразии / М. Суюнбаев // Материалы междунар. конф. “Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии”. Бишкек, 2008.
8. *Шукуров Э.* Общая хронология / Э. Шукуров // Эхо науки. 1997. № 2–3.
9. *Фурсов А.И.* Срединность Срединной Азии: долгосрочный взгляд на место ЦА в макрорегиональной системе Старого Света / А.И. Фурсов // Русский исторический журнал. 1998. № 4. Т. 1. URL: http://www.e-journal.ru/p_bzarub-st3-12.html